
**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ
СОВРЕМЕННОСТИ: ПОВЕСТКА ДНЯ, СТРАТЕГИИ И ТЕНДЕНЦИИ»
(ВОРОНЕЖ, ФГБОУ ВГУ, 23–24 МАЯ 2014 Г.)**

УДК 371

**РОССИЙСКИЙ ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ
И НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ГОСУДАРСТВА
ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

А. Г. Большаков

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Поступила в редакцию 30 июня 2014 г.

Аннотация: в статье речь идет о российском интеграционном проекте последних лет, сложностях, которые сопровождают его в процессе формирования. Значительное место в тексте отведено непризнанным государствам, которые осложняют процесс создания Евразийского союза. В работе рассмотрены различные сценарии развития российского интеграционного проекта и продемонстрированы перспективы непризнанных государств постсоветского пространства.

Ключевые слова: интеграционный проект, непризнанное государство, украинский кризис, Крым, Евразийский союз, ЕАЭС, Таможенный союз, сценарий интеграционного развития.

Abstract: in this article we are talking about Russian integration project in recent years, the complexities that accompany it in the making. Significant place in the text devoted to failed states, which complicate the process of creating a Eurasian Union. The paper discusses various scenarios of development of Russian integration project and demonstrated prospect sun recognized post-soviet states.

Key words: integration project, failed state, Ukrainian crisis, Crimea, Eurasian Union, EAEC, Customs Union, integration scenario development.

Интеграционные проекты на территории бывшего СССР существовали еще до распада Советского Союза. Достаточно вспомнить новоогаревский процесс, идею создания ССГ. Однако Беловежские соглашения 1991 г. подменили эти идеи фактической независимостью бывших союзных республик в институциональной форме СНГ. Но при всей аморфности данного Содружества оно смогло стать основой для новых интеграционных проектов на постсоветском пространстве. СНГ стало основой для формирования таких структур, а как ОДКБ, ЕвразЭС, Таможенный союз [1; 2].

Дезинтеграционный вектор на постсоветском пространстве был превалирующим на протяжении почти всего постсоветского периода. Все эти годы можно говорить о процессах диверсификации постсоветского пространства, его распаде, постепенном образовании сопредельных с Россией регионов, где за влияние боролись практически все основные гео-

политические игроки современного мира: США, Европейский союз, Китай, НАТО, ОБСЕ, ШОС, ряд региональных государств и организаций [3].

Российская Федерация первоначально оказалась в очень сложном положении, когда из-за слабостей своей экономики и неопределенности политической ситуации страна не могла противостоять зарубежному влиянию на сопредельные государства. В результате Балтийские государства вступили в Европейский союз; Грузия, Молдавия, Азербайджан, Украина организовали альтернативу СНГ и ОДКБ – блок ГУАМ; Узбекистан и Туркмения проводили полностью независимую политику в Содружестве, периодически меняя вектор своей политической и экономической ориентации на различных геополитических акторов. Даже последовательные по большинству вопросов союзники России по СНГ (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан) очень часто проводили многовекторную внешнюю политику, что не способствовало единству постсоветского пространства.

Положение начало меняться только в последние пять-семь лет, когда стало заметно увеличение влияния одного из центров силы в современном мире – Российской Федерации. Россия смогла преодолеть внутреннюю нестабильность, а растущая экономика демонстрировала ее потенциал как одного из мировых и региональных лидеров. Победа России в «пятидневной войне» с Грузией заложила фундамент усиления ее роли не только на Южном Кавказе, но и на всем постсоветском пространстве [4]. В 2008 г. Россия впервые показала свои возможности урегулировать «замороженные конфликты» и признала в качестве независимых государств Абхазию и Южную Осетию [5].

В 2011 г. российский интеграционный проект получает свое политико-идеологическое обоснование в качестве Евразийского союза. Впервые ставится идея не только экономического, но и политического единства этого государственного образования. Известно, что основу нового Союза должны были составить Российская Федерация, Белоруссия, Казахстан. Большие планы российское руководство возлагало на Украину, Молдавию. Новый российский интеграционный проект был полностью поддержан руководством Армении, Киргизии, Таджикистана. На уровне политико-дипломатических консультаций стало известно о достаточно большом круге заинтересованных в Евразийском союзе региональных государств: Иране, Сирии, Турции, Афганистане, Монголии и даже Израиле. В России также принято считать, что Евразийский союз является тем инструментом, который сможет обеспечить стратегическое партнерство с Китаем [2; 3].

В любом случае в Российской Федерации практически никто из серьезных аналитиков и экспертов не оспаривает тезиса о том, что постсоветское пространство – это сфера жизненно важных интересов России. От того, как оно будет структурировано, во многом зависит роль Российской Федерации в современных международных отношениях.

При всех изменениях, которые произошли на постсоветском пространстве за последние годы, здесь продолжают действовать закономерности, связанные самым генезисом новых постсоветских государств конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. Условия, в которых принимались решения о формировании современных политий постсоветского пространства, способствовали тому, что многие из них не смогли стать полноценными национальными государствами.

Рискнем предположить, что в настоящее время постсоветское пространство представлено преимущественно несостоявшимися («спорными», «слабыми» и др.) государствами, которые не признаны международным сообществом, потеряли и не контролируют часть своей территории, имеют коллапсирующую экономику [6, с. 59–65]. К ним по разным

основаниям можно отнести Азербайджан, Армению, Грузию, Киргизию, Молдавию, Таджикистан, Украину, а также Абхазию, Н. Карабах, Ю. Осетию, Приднестровье. В данном списке оказалось семь национальных государств и четыре самопровозглашенные политии. Это большая часть нероссийского постсоветского пространства.

В наилучших условиях оказался Крым, который только в марте этого года на основании референдума граждан вошел в состав Российской Федерации. Эта территория имеет все шансы для развития в рамках самого сильного с экономической точки зрения государства СНГ. Случай Крыма продемонстрировал усиление влияния Российской Федерации в международных отношениях, восстановление исторической справедливости и увеличение границ «русского мира» на постсоветском пространстве. При этом сам кризис на Украине свидетельствует о крахе государственности второй по численности населения страны на постсоветском пространстве. Присоединение Крыма к России не смогло снять общего напряжения в украинском государстве, что заставляет политический истеблишмент ряда стран решать проблемы единства, спада экономики, возможной федерализации, сотрудничества с Европейским союзом и Россией. Украина близка сегодня к реальному расколу территории на западную, центральную и юго-восточную части. Часть экспертов полагает, что таких территорий может быть и больше, хотя ведущие геополитические игроки пытаются сохранить территориальную целостность материковой части Украины.

Государства, которые характеризует отсутствие международного признания и отличает депрессивность и нестабильность в политико-экономической сфере, безусловно, не являются феноменом только постсоветского пространства. В научный оборот они вошли как «несостоявшиеся (слабые, спорные, недееспособные и др.) государства». Базовым понятием считается здесь термин «несостоявшиеся государства», поскольку именно он является основой для существующей в социальных науках теории. Рост влияния их на процессы мировой политики, несмотря на занимаемое периферийное положение, привел к необходимости пересмотра не только основных подходов в политической науке к изучению института государства и его роли в современной мировой системе, но и отказу рассмотрения слабых государств только через призму международной безопасности [3; 5; 7].

В настоящее время необходимо признать, что несостоявшиеся государства – это неотъемлемая часть современной мировой политики. Появление этих территориальных образований и укрепление их в системе международных отношений вновь актуализировали проблемы отсутствия оценки критериев

государственности, признания и состоятельности одного из главных политических институтов – государства, от решения которых во многом зависят будущее развитие несостоявшихся (слабых, недееспособных и др.) государств и ликвидация системной дисфункции мировой политической системы [8].

Проблемы несостоявшихся государств (failed states) рассматриваются в политической науке уже более двух десятков лет. Теоретико-методологические подходы в описании данного феномена конструировались по двум основным направлениям – в зависимости от того, какое учение о государстве (М. Вебера или Дж. Локка) было принято за основу.

Первый подход предлагал концепцию несостоявшихся государств (failed states), сформулированную в статье американских ученых Г. Б. Хельмана и С. Р. Ратнера, которая появилась в журнале «Foreign Policy» зимой 1993 г. [9]. В соответствии с ней «несостоявшиеся государства-нации совершенно неспособны поддерживать себя... так как они не могут функционировать как независимые единицы» [9, с. 4].

В рамках второго подхода, представленного в работах американского исследователя В. Зартмана [10], государство рассматривалось в качестве источника необходимых услуг. По его мнению, развалившимися государствами (collapsed states) считаются те, в которых больше не выполняются основные функции государства, т.е. ради которых оно существует.

Оба подхода различаются также в определении природы возникновения нового феномена. Г. Б. Хельман и С. Р. Ратнер [9] рассматривают несостоятельность государства как следствие развития системы международных отношений: причинами появления несостоявшихся государств являются вторая волна демократизации и крушение системы колониализма. Право на самоопределение наций позволило им получить независимость, а создание специальных международных институтов развития и биполярное противостояние СССР и США способствовали выживанию. Исследование В. Зартмана [10] основывается на внутренних причинах несостоятельности, рассматриваемой как результат несовершенства процесса строительства государства.

Работы Р. Г. Джексона и С. Д. Краснера [11; 12] связали проблему несостоятельности с основным принципом национального государства – суверенитетом. По их мнению, отсутствие хотя бы одного из элементов государственного суверенитета приводит к государственной несостоятельности и появлению квазигосударств. Американский исследователь Р. И. Ротберг [13] продолжил исследование несостоятельности государства с точки зрения его функциональности. Однако, в отличие от В. Зартмана, определяющим фактором жизнеспособности государства он считает эффективность политического управления.

Особенно остро проблема стала рассматриваться в связи с ростом угроз международного терроризма и глобальных проблем. К классическим работам по несостоятельности государства добавились труды специалистов по международной безопасности, экономистов-международников [14–16].

Был создан ряд исследовательских институтов и программ. Одним из первых примеров может служить учрежденная в 1994 г. по инициативе вице-президента США А. Гора и при поддержке ЦРУ рабочая группа по несостоятельности государств. Широко известна программа исследования несостоявшихся государств, созданная американским Фондом мира совместно с журналом «Foreign Policy». В России исследования «спорных ("несостоятельных") государств» стали активно проводиться с недавнего времени [8; 17; 18]. Появление основных работ связано с последним пятилетием [19].

Развитие интеграционного проекта России на постсоветском пространстве возможно при наличии разноскоростной интеграции. Фактор несостоявшихся (недееспособных, спорных, слабых и др.) государств может играть здесь двойную роль. В случае с современным украинским кризисом он тормозит реализацию интеграционного проекта. Ассоциированное членство Украины в Европейском союзе вынудило Россию принимать меры по защите экономики стран Таможенного союза, однако по политическим причинам Белоруссия и Казахстан Российскую Федерацию не поддержали.

Можно прогнозировать, что экономика юго-восточной Украины вряд ли будет модернизирована в ближайшее время ее западными союзниками, а Россия не сможет бросить на произвол судьбы миллионы людей, которые тяготеют к интеграции с ней и другими членами ЕАЭС. Поэтому Россия будет вынуждена оказывать значительную помощь ряду территорий соседнего государства, принимать у себя беженцев, настаивать на децентрализации («федерализации» – в терминах российской дипломатии) украинского государства с целью сохранения промышленного потенциала, рабочих мест и обеспечения политических прав и свобод русскоязычных граждан Украины.

Возможные сценарии развития ситуации в интеграционных процессах могут быть сведены, на наш взгляд, как минимум к трем.

Первый вариант. Россия пытается интегрировать в своем проекте все (или практически все) страны постсоветского пространства, что чревато постоянными конфликтами с рядом мировых геополитических игроков, и прежде всего странами Запада. Экономика при таком раскладе становится заложником политики. Скорее всего, этот сценарий носит чисто теоретический характер и на практике невозможен. Простое сложение потенциалов боль-

шинства стран СНГ не способно дать большого экономического эффекта. Подобный Союз вряд ли будет конкурентоспособным на фоне Европейского союза, Китая и др.

Второй вариант. Россия ориентируется преимущественно на своем собственном развитии (дальнейшее укрепление экономики, усиление военно-политического и дипломатического влияния). Такие территории, как Абхазия, Ю. Осетия, Приднестровье, остаются под непосредственной опекой России и с ее признанием. Гарантии прав русскоязычных граждан обеспечивают через давление России на правительства Украины, Молдавии, стран Центральной Азии. При этом Украина, Грузия, Молдавия, Азербайджан, Узбекистан, Туркмения остаются преимущественно под влиянием американцев, европейцев, китайцев или в отдельных случаях региональных держав (Ирана, Турции и др.). Подобный вариант дает преимущества Российской Федерации, которая может снять с себя часть интеграционных обязательств в пользу проведения, например, жесткой миграционной политики внутри России.

Третий вариант. Россия распространяет своей проект на сопредельные страны, преимущественно в экономической сфере. Страны СНГ – это основа такой интеграции, но ими она не ограничивается. В качестве государств, которые могут быть приглашены к экономической интеграции, – Иран, Турция, Финляндия, Норвегия, Монголия и др. Военно-политическая интеграция осуществляется преимущественно в рамках ОДКБ, общность политических структур возможна первоначально в постсоветском сегменте нового Евразийского союза.

Третий вариант представляется предпочтительным. Он вряд ли позволит выйти за пределы более глобальных проектов Китая, но может способствовать развитию России и Евразийского союза в целом, когда энергоресурсы в основном уходят на продажу в страны Юго-Восточной Азии, а вырученные деньги идут на закупку новых западных технологий. Это поможет модернизировать экономику в целом и российский военно-промышленный комплекс в частности. Сохранение статуса одной из крупнейших ядерных держав поможет России и ее союзникам в перспективе сохранять свою независимость во внешней политике и претендовать на статус великой державы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никитин А. И.* Конфликты, терроризм, миротворчество / А. И. Никитин. – М. : Навона, 2009. – 232 с.
2. *Никитина Ю. А.* ОДКБ и ШОС : модели регионализма в сфере безопасности / Ю. А. Никитина. – М. : Навона, 2009. – 200 с.
3. *Серебрякова Н. В.* Шанхайская организация сотрудничества : многосторонний компромисс в Центральной Азии / Н. В. Серебрякова. – М. : ИнфоРос, 2011. – 206 с.
4. *Маркедонов С. Д.* Де факто образования постсоветского пространства : двадцать лет государственного строительства / С. Маркедонов ; науч. ред. А. Искандарян. Аналитические доклады Института Кавказа. – 2012. – № 5 (январь). – 180 с.
5. *Методология исследования конфликтов на постсоветском пространстве : очерки / под ред. А. Г. Большакова ; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань : Казанский университет, 2013. – 284 с.*
6. *Индексы развития государств мира : справочник / О. Т. Гаспарян [и др.] ; под ред. Ю. А. Нисневича. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 247 с.*
7. *Территориальный вопрос в афро-азиатском мире / под ред. Д. В. Стрельникова. – М. : Аспект-Пресс, 2013. – 319 с.*
8. *Государственный суверенитет vs. Право наций на самоопределение : сб. науч. ст. / Гос. ун-т – Высшая школа экономики ; отв. ред. А. Л. Рябинин ; ред.-сост. Г. В. Лукьянов. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. – 250 с.*
9. *Helman G. B. Saving failed states / G. B. Helman, S. R. Ratner // Foreign Policy. – Washington, 1993. – № 89. – P. 3–20.*
10. *Zartman W. Collapsed states : The disintegration and restoration of legitimate authority / W. Zartman. – London and Boulder, CO : Lynne Rienner publishes, 1995. – 330 p.*
11. *Jackson R. H. Quasi-states : Sovereignty, international relations and the Third World / R. H. Jackson. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1993. – 240 p.*
12. *Krasner S. D. Sharing sovereignty new institutions for collapsed and failing states / S. D. Krasner // International security. – Cambridge, MA, 2004. – Vol. 29, № 2. – P. 85–120.*
13. *Rotberg R. I. The new nature of nation-state failure / R. I. Rotberg // The Washington quarterly. – Washington, 2002. – Vol. 25, № 3. – P. 85–96.*
14. *Liotta P. H. Redrawing the map of the future / P. H. Liotta, J. F. Miskel // World policy Journal. – N. Y., 2004. – Vol. 21, № 1. – P. 15–21.*
15. *Mosk C. A. Failed states and failed economies : Nationalism and economic behavior, 1955–1995. – Victoria : Department of economics : Univ. of Victoria, 2005. – 35 p.*
16. *Simons A. The misleading problem of failed states : A «socio-geography» of terrorism in the post 9/11 era / A. Simons, D. Tucker // Third World quarterly. – L., 2007. – Vol. 28. – P. 387–401.*
17. *Большаков А. Г.* Институционализация этнических вооруженных конфликтов как механизм формирования государственной состоятельности на постсоветском пространстве (на примере региона Южный Кавказ) / А. Г. Большаков // Политическая наука : науч. журн. / [ред. кол.: Е. Ю. Мелешкина (гл. ред.) и др.]. – М.,

2011. – № 2 : Государственная состоятельность в политической науке и политической практике / ред.-сост. М. В. Ильин, Е. Ю. Мелешкина. – С. 105–124.

18. *Большаков А. Г.* Этнические вооруженные конфликты в посткоммунистических государствах европей-

ской периферии / А. Г. Большаков. – Казань : Казанский государственный университет, 2009. – 466 с.

19. *Мелешкина Е. Ю.* Формирование новых государств в Восточной Европе : монография / Е. Ю. Мелешкина. – М. : ИНИОН РАН, 2012. – 252 с.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Большаков А. Г., доктор политических наук, заведующий кафедрой конфликтологии

E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

Тел.: 8 (843) 292-79-93

Kazan (Volga Region) Federal University

Bolshakov A. G., Doctor of Political Sciences, Head of the Conflict Studies Department

E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

Tel.: 8 (843) 292-79-93